

ПРОСПЕР МЕРИМЭ

ТАМАНГО

РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

№ 188

АКЦ. ИЗД. О-ВО „ОГОНЕК“

МОСКВА — 1926

Вышедшие книжки Библиотеки «Огонек».

<p>МИХАИЛ КОЛЦОВ</p> <p>ЗАПАДНЫЕ ПРОГУЛКИ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 23 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>В ШКОЛЬСКИЙ КОНЕЦ ПОХОДА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 24 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>Д. О. КАРМЕН РАССКАЗЫ О ПЯТОМ ГОДЕ</p> <p>Иллюстрации Д. СВЕРДОВА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 25 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>РАССКАЗЫ С. ГЕХТА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 26 Издательство «Огонек» Москва</p>
<p>БОР. ПИЛЬНЯК SPERANZA</p> <p>Библиотека «Огонек» № 27 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>ИЛЬЯ РЕНЦ ИЗВОЗЧИК В ПЕНСНЭ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 28 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>М. ГОРЬКИЙ ВАС СЛОЖИЛ ПЕСНЮ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 29 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>СЕРГЕЙ ЕСЕНИН ИЗБРАННЫЕ СТИХИ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 30 Издательство «Огонек» Москва</p>
<p>ЖАН ТУССЕЛЬ КАМЕНОТЕС РАССКАЗ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 31 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>КЛОД МАКАЭН СУДОМ ЛИЧНА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 32 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ ТРУБА КОММУНАРА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 33 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>ОДЖА ФОРШ ОБЫВАТЕЛИ РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 34 Издательство «Огонек» Москва</p>
<p>А. ЗОРИЧ О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 35 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>НИКОЛАЙ АЩУКОВ КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 36 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>Д. МЯТНИЦКИЙ БРАТВА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 37 Издательство «Огонек» Москва</p>	<p>ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ МЭРИ ИЗ КОРКА</p> <p>Библиотека «Огонек» № 38 Издательство «Огонек» Москва</p>

Цена каждой книжки — 15 коп.

ПРОСПЕР. МЕРИМЕ

М-522

ТАМАНГО

РАССКАЗЫ

Перевод и обработка Н. М. КРЫМОВОЙ

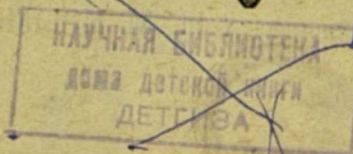
КАТАЛОГ

Акц. Изд. О-во „ОГОНЕК“

Москва — 1926

оп.
М. 522 п.т.

24216

1957-58 г.

642593 ред-кх

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № 69508.

Тираж 30.000—3 л.

Заказ № 1540.

ТАМАНГО

Капитан Леду был опытный моряк. Сначала он был простым матросом, потом помощником рулевого. Во время Трафальгарского боя осколком дерева ему раздробило руку и ее пришлось отнять. Леду уволили в отставку, дав ему хороший аттестат. Сидеть на берегу ему не хотелось, и он поступил на каперское судно, купил нужные книги и изучил теорию навигации, которую он практически знал прекрасно,— для того, чтобы иметь возможность получить командование судном. Когда торговля неграми была запрещена, такой отважный и опытный моряк был прямо находкой для тайных торговцев «черным деревом». По его указаниям, был построен прекрасный парусный бриг, который мог вместить громадное число невольников. Он назвал его «Надеждой».

В один прекрасный день «Надежда» вышла из Нанта, направляясь в Сенегалию, и благополучно прибыла к африканскому берегу. Якорь бросили в устье реки, в местности, где можно было достать большое количество невольников. Как только бриг был замечен, тотчас же явились местные торговцы и сообщили капитану, что момент вполне благоприятный. Таманго, знаменитый воин и торговец «живым товаром», только что доставил на берег большую партию невольников, которых он распродал дешево, так как был уверен,

что ему легко удастся удовлетворить спрос, если его товара окажется мало.

Капитан Леду сошел на берег и велел отвести себя к Таманго. Он застал черного вождя в наскоро сооруженной соломенной хижине в обществе двух жен, нескольких перепродавцов и погонщиков. Таманго принарядился, чтобы достойным образом принять белого гостя. На нем был старый синий мундир с нашивками капрала, при чем на каждом плече болталось по два золоченых погона, прикрепленных к одной пуговице — один свисал вперед, другой назад. Так как на нем не было рубахи, а мундир был короток на его высокий рост, то между мундиром и полотняными штанами виднелась широкая полоса черной кожи, похожая на пояс. Сбоку болталась на веревке кавалерийская сабля, а в руках он держал прекрасную английскую двухстволку. Этим рядом африканский воин думал ослепить своих белых гостей.

Когда капитан и Таманго при помощи матроса-переводчика обменялись приветствиями, юнга поставил принесенную с корабля корзинку, полную бутылок с водкой. Они вышли, и капитан, чтобы окончательно задобрить Таманго, подарил ему медную пороховницу с рельефным изображением Наполеона. Затем они вышли из хижины, уселись в тени, поставили перед собой бутылки с водкой, и Таманго знаком приказал привести невольников, предназначенных для продажи.

Несчастные потянулись длинной вереницей, сжившись от усталости и страха. У каждого из них шея была втиснута в нечто в роде вил, футов в шесть длиной; концы вил соединялись у затылка невольника поперечным брусом. Когда нужно было двинуться в путь, погонщик клал к себе на плечо

рукоятку первых вил, первый невольник делал то же самое со следующими вилами и т. д. Разумеется, при таких условиях нечего было и думать о побеге. По мере того, как невольники, мужчины и женщины, проходили перед ним, капитан пожимал плечами, говорил, что мужчины худы, женщины то слишком стары, то слишком молоды, и сетовал на то, что черная раса вырождается.

— Прежде было совсем другое дело, — говорил он, — женщины были 5½ футов ростом, а четверо мужчин легко могли бы свернуть ворот фрегата и поднять большой якорь.

Однако, критикуя товар, он отбирал самых красивых и сильных негров, — за этих он готов заплатить обычную цену, других же может взять только с большой скидкой. Торговались долго, выпили всю водку и, наконец, 160 невольников были обменены на плохой ситец, немного пороха, кремня, три боченка водки и пятьдесят штук кое-как починенных ружей. Невольников тотчас передали французским матросам, и те поспешили снять с них вилы и заменить их железными ошейниками и ручными кандалами, как бы подчеркивая этим превосходство европейской «культуры» над африканткой. Оставалось еще человек тридцать — дети, старики, больные женщины. Корабль был полон. Таманго, не зная, куда девать этот брак, предложил уступить его по бутылке водки за голову. Предложение было заманчиво. Леду отобрал еще человек 20. Потом взял еще трех детей, дав за них по стакану водки, и наотрез отказался от остальных. Опьяневший Таманго пристрелил двоих и собирался прикончить третьего старика, но одна из его жен отвела его руку, говоря, что этот старик — колдун и предоказал ей, что она будет королевой.

Взбешенный Таманго ударил жену прикладом ружья и, обращаясь к Леду, сказал:

— Возьми ее себе. Я дарю тебе эту женщину.

Женщина была красивая.

Леду посмотрел на нее с улыбкой, взял ее за руку и сказал:

— Ладно, я найду для нее место.

Распрощавшись, капитан поспешил погрузить остальной товар, а Таманго растянулся на траве, в тени деревьев, и крепко уснул.

Когда он проснулся, корабль был уже далеко. Распустив паруса, он быстро шел по реке. У Таманго от попойки еще стоял туман в голове. Оглянувшись, он спросил, где его жена Айше. Ему ответили, что она имела несчастье прогнать его и что он подарил ее белому, который увел ее к себе на корабль. Ошеломленный Таманго вскочил и, схватив ружье, бросился вдогонку. Благодаря тому, что река в этой местности очень извилиста и делает несколько больших поворотов, а он бежал наперерез и только под самый конец вскочил в первый попавшийся челн, ему удалось настигнуть невольничье судно. Леду был немало удивлен его появлением и еще более требованием, чтобы ему отдали обратно жену. Сначала Таманго требовал, потом умолял, плакал, предлагал за нее все свое имущество, но все было напрасно.

Во время этих переговоров помощник капитана подошел к Леду и сказал:

— У нас сегодня в ночь умерло трое невольников. Давай, заберем этого здорового молодца, он один стоит дороже тех троих.

Леду сообразил, что за Таманго дадут наверное 1.000 золотых, и что это путешествие, сулившее ему крупные

барыши, вероятно, будет его последним предприятием такого рода. Теперь он разбогател и может больше не заниматься торговлей невольниками; поэтому неважно, какую он оставит по себе славу в этих краях. Хитростью отобрав у Таманго ружье и саблю, он, его помощник и двое матросов свалили негра с ног и, несмотря на отчаянное сопротивление, связали его и бросили в трюм, где он пролежал несколько дней, отказываясь от пищи и даже воды.

Когда, наконец, несколько оправившись, он вышел на палубу, то увидел Леду, спокойно курившего трубку, и рядом с ним Айше, не закованную в цепи, а одетую в нарядное ситцевое синее платье и обутую в изящные сафьяные туфельки. Она держала в руках поднос, уставленный графинами, приготовляясь наполнить вином стакан капитана.

— Айше, — громко закричал Таманго, — ты думаешь, что у белых нету Мама Джумбо?

Но тут матросы уже подоспели к нему с поднятыми палками, чтобы положить конец такому нарушению дисциплины, а Айше стояла в слезах и казалась ошеломленной его загадочными словами.

Матрос-переводчик объяснил капитану, что у негров Мама Джумбо означает то же, что у нас бука, — им пугают детей, а также непослушных жен, если подозревают, что они делают то, что проделывают многие жены не только в Европе, но и в Африке.

— Я сам видел их Мама Джумбо, — продолжал матрос, — только меня не проведешь, я живо понял, в чем дело, ну, а черные — они всяким глупостям верят.

Вот как это было: Как-то вечером женщины собрались потанцевать и повеселиться. Вдруг из ближайшей рощи, очень густой и темной, послышалась странная музыка. Кто

играет, не видно было — музыканты все попрятались. Были тут и флейты, и барабаны, и бубны, и самодельные гитары. Такая была музыка, что чертям тошно. Женщины, как услышали ее, перепугались, бросились было бежать, — ~~не~~ даром говорят «на воре шанка горит», — а мужья не пускают. Вдруг из леса вышла огромная белая фигура, голова — как котел, глаза — как плошки, а пасть — как у самого дьявола, и огонь внутри горит. Как увидели ее бабы, все завопили: «Мама Джумбо!». — «Признавайтесь, негодницы, — кричали мужья, — кто из вас провинился? Если солжете, Мама Джумбо съест вас живьем». — Те, что попроще были, кое в чем сознались. Ну, и досталось же им от мужей. Избили они своих неверных жен до полусмерти. На самом же деле это просто шутник какой-то закутался в белую простыню, насадил на палку тыкву, в которой выдолбил дыры, вместо глаз, носа и рта, и зажег внутри свечу... А ведь хорошая выдумка этот Мама Джумбо... Я бы не прочь, чтобы моя жена в него поверила, — добавил, смеясь, переводчик.

— Что касается моей, — сказал капитан Леду, — если она и не боится Мама Джумбо, то боится Матушки Дубинки и знает, что если я что-нибудь замечу, то здорово ее проучу. А вы скажите-ка этому молодцу, чтобы он держал язык за зубами. Если он будет еще стращать Айше, я велю его тоже хорошенько проучить.

Потом капитан сошел вниз, велел позвать Айше и старался ее утешить, но ни ласки, ни угрозы не действовали на прекрасную негритянку. Капитан разозлился, долго ходил по палубе, ругался, и хлопанье его кнута раздавалось до поздней ночи по всему судну.

Утром Таманго вышел на палубу с разбитым лицом, но гордый и мужественный, как всегда.

Когда Айше увидала его, она бросилась к нему с криком:
— Прости меня, Таманго, прости.

Таманго с минуту пристально посмотрел на нее и тихо прошептал:

— Подпилок.

Потом лег на циновку и повернулся к ней спиной. Капитан разбранил Айше за разговор с прежним мужем и даже угостил ее пощечиной, но ему и в голову не приходило, о чем они успели переговорить в нескольких словах.

Между тем Таманго, сидя в трюме с остальными невольниками, уговаривал их день и ночь сделать попытку освободиться:

— Ведь белых мало, — говорил он, — сторожа небрежны, а я сумею довести вас на родину.

Хвастал, что знаком с тайными науками, в которые черные слепо верят. Однажды Айше бросила ему сухарь и сделала знак, ему одному понятный. В сухаре был маленький подпилок. От этого крошечного инструмента зависел успех их предприятия. Конечно, Таманго и не подумал показать его товарищам, но, когда наступила ночь, стал бормотать какие-то бессвязные слова, сопровождая их странными движениями. Казалось, что он говорит с каким-то ему одному видимым собеседником. Невольники дрожали от страха, уверенные в том, что сам дьявол тут же среди них. Наконец Таманго обратился к ним, говоря:

— Товарищи, дух, которого я вызывал, дал мне обещанное и теперь у меня в руках орудие нашего освобождения. Нужно только набраться смелости.

Он дал им потрогать подпилок и, хотя обман был очень грубо состряпан, ему все-таки поверили.

Наконец, наступил долгожданный день мести и освобождения. Заговорщики, связав себя самой страшной клятвой, зрело обдумали и выработали план действий. Самые решительные, с Таманго во главе, выйдя на очередную прогулку на палубу, должны будут обезоружить стражу; несколько других пойдут в это время в каюту капитана и возьмут находящиеся там ружья. Те, кто успеют до того времени расшнуровать кандалы, должны первые начать нападение. Однако, несмотря на упорную работу нескольких ночей, многие невольники еще не были в состоянии принять деятельное участие в выступлении. Поэтому троем самым сильным поручено было убить сторожа, у которого в кармане лежали ключи от наручников, и тотчас же спуститься в трюм и освободить закованных товарищей.

В этот день капитан Леду был в прекрасном настроении. Против обыкновения помыловал юнгу, который заслуживал телесного наказания, похвалил вахтенного, выразил одобрение экипажу и пообещал, когда корабль прибудет в Мартинику, выдать всем награды. Матросы уже мечтали о хорошей выпивке и мартиникских женщинах, когда на палубу вывели Таманго и других заговорщиков.

Они постарались расшнуровать кандалы так, чтобы это было незаметно, но чтобы при малейшем напряжении они тотчас свалились. Выходя на палубу, они так при этом гремели ими, точно на них надеты были двойные комплекты. Немного подышав свежим воздухом, они взялись за руки и принялись плясать, а Таманго запел военный гимн своего племени, который всегда пел раньше, отправляясь в бой. Когда танец продолжался уже достаточно долго, Таманго, как бы изнемогая от усталости, растянулся во весь рост у ног матроса, стоявшего, небрежно прислонившись к борту корабля. Осталь-

ные невольники последовали примеру своего вождя. Таким образом, каждый матрос оказался окруженным несколькими неграми.

Внезапно Таманго, потихоньку сняв кандалы, испустил громкий крик — сигнал для всех остальных, дернул за ноги стоявшего возле него матроса, свалил его наземь, наступил ногой ему на живот и, выхватив у него из рук ружье, тут же убил вахтенного офицера. Тем временем и остальные матросы были обезоружены и задушены. Бриг огласился воинственными кликами. Боцман, у которого были ключи от кандалов, упал первым. Негры, не нашедшие оружия, схватили весла шлюпок и вымбовки якорного ворота. С этого момента участь экипажа корабля была решена. Несколько матросов еще пытались сопротивляться, но у них не было оружия. Леду еще был жив и не падал духом. Увидав, что Таманго — душа заговора, он надеялся, что, если ему удастся его убить, он легко справится с остальными. Поэтому он бросился на него с саблей в руке. Но Таманго, в свою очередь, устремился на него, размахивая ружьем, как дубинкой. Два вождя столкнулись на мостике. Таманго замахнулся первый, но белый увернулся от удара, и ружейный приклад ударился так сильно об пол, что разлетелся на куски, а от силы удара ружье выскользнуло из рук Таманго. Теперь он был безоружен, и Леду с злорадной усмешкой уже приготовился проткнуть его саблей; но Таманго был ловок, как пантера, — он бросился в объятия своего противника и схватил его руку, державшую саблю. Завязалась борьба, оба свалились на пол; африканец попал вниз, но, не теряя присутствия духа, вцепился зубами в горло врага с такой яростью, что брызнула кровь. Сабля выпала из ослабшей руки капитана, Таманго схватил ее, поднялся и с окровавленным ртом и тор-

жествующим криком пронзил несколькими ударами своего уже полумертвого врага.

Когда последний труп белых, растерзанный и разрезанный, выброшен был в море, негры, уже удовлетворившиеся мщением, случайно взглянув на паруса, все еще надутые свежим ветром и, как они думали, повинующиеся их врагам и мчащие их в рабство, пришли в неописуемый ужас и стали громко звать Таманго. Однако, он не спешил наверх, а стоял в капитанской каюте, опершись на окровавленную саблю и протянув с рассеянным видом коленопреклоненной Айше руку, которую она почтительно целовала. На лице его видна была тревога. Поднявшись на палубу, он медленно подошел к штурвалу, долго шевелил губами, рассматривая компас, затем с решимостью, вызванной страхом и невежеством, резким движением повернул руль. Как горячий конь, припороенный неосторожным ездом, бриг встал на дыбы, взлетел на волну и, казалось, готов был нырнуть в пучину вместе с неумелым штурманом. Соответствие между движениями руля и парусов было нарушено, и судно накренилось, длинные реи окунулись в море, несколько человек попадали в воду. Однако, судно снова выпрямилось, но новый порыв ветра свалил обе мачты, и палуба оказалась усыпанной обломками снастей.

Перепуганные негры набросились с угрозами на Таманго, но он, гордо подняв голову, подобрал два ружья, сделал знак Айше, чтобы она следовала за ним, и двинулся к корме, где забаррикадировался пустыми боченками и ящиками и вынул в промежуток между ними дула своих двух ружей. Его оставили в покое. Среди взбунтовавшихся негров царило полное смятение. Одни плакали, другие, молились своим богам, третьи стояли на коленях перед компасом и молили его, как какое-то божество, довести их домой.

Вдруг на палубе появился негр с радостным лицом, — он обнаружил место, где белые хранили водку, и, повидимому, не замедлил попробовать ее. Вечер и ночь прошли в шумном веселье, прерываемом стонами раненых.

На утро новое горе. Многие из раненых за ночь умерли, и трупы их плавали на поверхности воды. По морю ходили валы, небо было пасмурно. Решили обратиться за помощью к Таманго, но он продолжал сидеть в засаде. Оставалась голько водка — она хоть помогала забыть и море, и рабство и близкую смерть. Так прошло несколько дней. Многие сошли с ума от страха и пьянства, бросались в море, убивали себя кинжалом.

Однажды утром Таманго вышел из своей засады и сказал, что ему явился дух и указал способ доставить их домой. Он обещал прощение оставшимся в живых при условии полного повиновения.

— Только белые, — говорил он, — умеют управлять плувучими домами. Но мы можем взять эти лодки, похожие на наши, — сказал он, указывая на шлюпки, — наполнить их припасами и добраться на веслах к себе на родину.

Безумная затея была быстро приведена в исполнение. Годными оказались только две лодки. Больных и раненых оставили на произвол судьбы. Шлюпку, в которой были Таманго и Айше, захлестнуло волной, она быстро пошла ко дну, и только человек десять, и они в том числе, добрались обратно на брег.

Прошло еще несколько ужасных дней, — в живых оставались только Таманго и Айше. Однажды в бурную, темную ночь, когда с носа корабля не видно было кормы, Айше лежала на тюфяке на палубе, Таманго сидел у ее ног. Оба молчали. Вдруг Айше воскликнула: — Таманго, во всем, что

тебе приходится терпеть, виновата я одна. — Я не страдаю, — возразил он резко и бросил ей остававшуюся у него половину сухаря. — Оставь себе, я не голодна, — сказала она, — да и все равно, час мой настал. — Таманго сидел, свесив голову на грудь и насвистывая свой родной напев. Вдруг раздались громкие крики. Почти задевая их, прошло какое-то судно, но ветер быстро умчал его дальше. Возможно, что их и видели с корабля, но буря помешала повернуть судно и подобрать погибавших. Через несколько минут Таманго увидел огонь и слышал пушечный выстрел, затем второй огонь, но больше уже ничего не слышал и не видел. На утро на всем морском просторе не виднелось ни одного паруса. Таманго снова лег и закрыл глаза. Айше до утра не дожидая.

Несколько времени спустя, английский фрегат Беллона увидал в море судно без мачт и, повидимому, брошенное экипажем. Когда к нему пристала шлюпка, то на нем нашли мертвую негритянку и негра, до того исхудавшего и истощенного, что его можно было принять за мумию. Он был без сознания, но еще дышал. Его отходили, но по прибытии в порт капитану едва удалось спасти его от смертной казни, которая угрожала ему, как возмущившемуся невольнику. В конце концов с ним поступили, как с негром, захваченным на конфискованном невольничьем судне, — ему дали «свободу», т.е. заставили работать на казну, но кормили его и платили ему шесть су в день. Однажды командир одного полка, увидав красивого статного негра, взял его цимбалистом в полковой оркестр. Впоследствии Таманго научился понимать английский язык, на котором, впрочем, отказывался говорить. Полюбил же только английский ром и водку, чем увлекался свыше меры. Умер в больнице от воспаления легких.

МАТЕО ФАЛЬКОНЕ

Недалеко от Порто-Веккио, там, где местность круто поднимается в гору, вглубь острова тянется непроходимая чаща низких зарослей, — убежище корсиканских пастухов и тех, кто почему-либо избегает встречи с представителями правосудия.

Приблизительно в полуверсте от этой чащи стоял дом Матео Фальконе, сурового, но честного человека, который славился к тому же, как необычайно меткий стрелок. О подвигах его в этом отношении ходили легендарные слухи.

Матео был женат. Три дочери его уже были замужем, дома оставался десятилетний сын Фортунато, умный мальчуган, надежда и радость семьи.

Однажды осенью Матео и жена его Джузеппа вышли из дому рано утром, чтобы проведать свое стадо овец, которое пастухи пасли в зарослях. Мальчик просил, чтобы и его взяли с собой, но отец отказал, говоря, что далеко и надо же, чтобы кто-нибудь остался стеречь дом.

Прошло несколько часов. Фортунато лежал, спокойно растянувшись на солнышке, смотрел на голубые горы и мечтал, что в следующее воскресенье пойдет в город обедать к своему дяде «капорале» ¹⁾. Мечты его были внезапно прерваны

---

¹⁾ Так корсиканцы называют местного начальника, исполняющего также обязанности судьи.

треском беспорядочной перестрелки, раздавшейся со стороны чащи и постепенно становившейся ближе и громче.

Вскоре по тропинке от чащи к дому Матео показался человек, обросший бородой, в остроконечной шапке, какие носят горцы, и весь в лохмотьях. Он тащился с трудом, опираясь на ружье, так как был ранен в бедро.

Этот человек, объявленный судом вне закона, скрывался в чаще и вышел ночью, чтобы купить в городе пороху, но, возвращаясь, попал в засаду корсиканских стрелков (стражников). Он храбро защищался и отстреливался, перескакивая с одной скалы на другую, пока его не настигла пуля. Рана мешала бежать, и стрелки быстро нагоняли его. Нечего было и думать добраться до зарослей, где он очутился бы в полной безопасности.

Подойдя к Фортунато, он спросил: — Ты сын Матео Фальконе? — Да. — А я Джанетто Санпьеро. Желтые воротники ¹⁾ гонятся за мной... Спрячь меня. Я не могу больше бежать.

— А что скажет отец?

— Скажет, что ты хорошо сделал.

— Почему знать. Погоди, пока вернется отец.

— Подождать? Ты шутишь. Прячь скорее, они уже близко... Скорее, не то я убью тебя...

— Я не боюсь, ружье у тебя не заряжено, да и патроны ты все расстрелял.

— У меня есть кинжал.

— А разве ты меня догонишь? — сказал мальчик, ловко отскочив в сторону.

— Ты не сын Матео Фальконе. Неужели ты дашь схватить меня у порога своего дома?

¹⁾ Форма корсиканских стрелков состоит из коричневого мундира с желтым воротником.

24216

Мальчик колебался. — А что ты мне дашь за это? — спросил он.

Беглец пошарил в кожаном кошельке, висевшем у него на поясе, и вытащил пятифранковую монету, которую, очевидно, приберегал на покупку пороха. Фортунато улыбнулся, схватил монету и проговорил: — Не бойся ничего.

20468

Он быстро разгреб отверстие в конне сена, стоявшей около дома. Джанетто зарылся туда, а мальчик закидал его сверху сеном так, что дышать ему можно было, но снаружи ничего заметно не было. Потом, с хитростью дикаря, притащил кошку с котятками и водворил их на конну, чтобы нельзя было подумать, что сено только что шевелили. Затем он засыпал землей видневшиеся на тропинке кровавые следы и преспокойно улегся на прежнее место.

Через несколько минут к дому Матео подошли шесть человек в мундирах с желтыми воротниками под командой офицера Гамбо, дальнего родственника Фальконе.

— Здравствуй, братишка, — сказал он, обращаясь к Фортунато. — Какой же ты большой вырос. Кстати, никто тут недавно не проходил?

— Ну, я еще все-таки до вас не дорос, — ответил мальчик, притворяясь глупеньким.

— Когда-нибудь дорастешь. А человека-то ты все-таки не видал?

— Какого человека? Утром проезжал тут верхом наш кюре... спрашивал, как отец поживает, а я ему ответил...

— Чего ты зря тянешь, повторяешь мои вопросы и притворяешься дураком! Говори сейчас, куда скрылся Джанетто?

— Да ведь я спал, а разве сонные видят прохожих?

— Врешь, брат, ты не спал, и перестрелку слышал, и Джанетто видел, а, может быть, и спрятал его. Не так же он глуп, чтобы пытаться на одной ноге добраться до чаши раньше нас, да и следов крови дальше не видно. Эй, товарищи, — крикнул он солдатам, — общите дом.

— А что скажет отец, когда вернется? — спросил Фортунато с усмешкой. — Не особенно будет доволен, что входили в его дом в его отсутствии.

— Негодяй, — закричал Гамба, схватив его за ухо, — ты не так у меня запоешь, если я велю тебя угостить саблей плашмя.

Но Фортунато продолжал усмехаться.

— Мой отец — Матео Фальконе, — отвечал он с особым ударением.

— Знаешь ли ты, негодник, что я могу увести тебя в Кортеле или в Бастию, бросить в тюрьму на солому, заковать в кандалы, даже гильотинировать, если ты сейчас же не скажешь, где Санпьеро?

Однако, на все вопросы мальчик отвечал смехом и только твердил одно: — Мой отец — Матео Фальконе.

Гамба был озадачен. Он переговорил вполголоса со своими солдатами, которые уже успели обыскать дом — дело несложное, т. к. хижина корсиканца состояла всего из одной комнаты с самой необходимой домашней утварью и охотничьими принадлежностями. Фортунато продолжал, как ни в чем не бывало, играть с кошкой, и, когда один из солдат подошел к копне, на лице его не отразилось никакого волнения.

Видя, что угрозы не производят впечатления на сына Матео Фальконе, Гамба решил прибегнуть к другому сред-

ству. Он вынул из кармана серебряные часы, показал их мальчику и сказал:

— Проказник, небось, ты не прочь был бы иметь такие часы? Щегольнул бы ими перед товарищами!

— Когда я вырасту, мне мой дядя «капорале» подарит часы.

— Так-то оно так, но у его сына уже есть часы. Положим, не такие хорошие, как эти.

Мальчик вздохнул.

— Хочешь получить эти, братишка?

Фортуато не протянул за ними руку и лишь проговорил с горькой усмешкой:

— Зачем вы насмехаетесь надо мной?

— И не думаю, — продолжал Гамба, — скажи мне, где Джанетто, — и часы твои. Клянусь честью, беру товарищей в свидетели, — говорил он, а сам вертел часы перед глазами мальчика, на лице которого отражалась происходившая в его душе борьба. Циферблат блестел на солнце, крышка горела огнем. Испытание оказалось слишком сильным.

Фортуато поднял левую руку и указал пальцем через плечо на копну, к которой стоял прослонившись. Гамба понял его жест и тотчас выпустил из рук конец цепочки, на которой болтались часы. Фортуато почувствовал их в своей руке. Он вздрогнул и отпрянул шагов на десять от койны, которую стрелки принялись разбрасывать. Сено зашевелилось, и из-под него появился человек с кинжалом в руках, но, когда он попытался встать на ноги, застывшая рана причинила ему такую боль, что он упал. Офицер бросился на него и выхватил у него кинжал. Несмотря на отчаянное сопротивление Джанетто, его тут же крепко связали и бросили, как вязанку хвороста. Лежа на земле, он повернул голову к по-

дошедшему Фортунато и выругался скорее с презрением, нежели со злобой. Мальчик бросил ему деньги, сознавая, что уже не может теперь оставить их себе, но Джанетто не обратил на это внимания и, обращаясь к офицеру, проговорил спокойно:

— Дорогой Гамба, я не могу идти; вам придется донести меня до города.

— Я так рад, — ответил тот, — что мне удалось схватить тебя, что я с удовольствием пронес бы тебя на собственных плечах хоть пять миль. Но мы сделаем носилки, чтобы тебе было удобнее, а на ближайшей ферме достанем лошадей.

Пока солдаты возились с носилками, из-за поворота тропинки показались Джузеппа и Матео. Первой его мыслью было, что его пришли арестовать, хотя повода для этого как будто не было. Он зарядил ружье, вскинул его на руку, дал жене второе, которое нес за плечами и приготовился к защите. С другой стороны, и офицер, видя, что Матео приближается, держа в руках ружье с поднятым курком, невольно призадумался. «А что если Джанетто ему сродни или его приятель, и он вздумает вступить за него, то двоих из отряда он уложит без промаха — пуля его долетит, как письмо по почте. А что как он нацелится прямо в меня, хоть и я ему сродни?». Однако, он смело пошел навстречу Матео, чтобы рассказать ему обо всем, что произошло, как старому знакомому, но разделявшее их небольшое пространство показалось ему невероятно длинным.

— Здорово, старый приятель, — закричал он еще издалека, — как поживаешь? Это я, Гамба, твой двоюродный брат.

Не отвечая ни слова, Матео медленно поднял дуло ружья к небу. — Здорово, отвечал он.

— А я зашел проведать вас, — продолжал Гамба. — Немало верст мы сегодня отмахали, но жаловаться не приходится, славного зверя изловили. Ведь мы только что схватили Джанетто Санньеро.

— Слава богу, — обрадовалась Джузеппе. — Он на прошлой неделе украл у нас дойную козу.

— Бедняга, — сказал Матео, — он был наверное голоден.

— Негодяй защищался, как лев, убил одного из моих солдат, перешиб руку капралу, — положим, это беда небольшая, он француз, — а потом так ловко спрятался, что сам черт его бы не разыскал. Если бы не наш милый Фортунато, я бы ни за что его не нашел.

— Фортунато! — воскликнули в один голос муж и жена.

— Да. Джанетто спрятался вон в той копне сена, но мальчик раскрыл мне его уловку. Я упомянул об этом в своем донесении и о тебе тоже.

— Проклятие! — прошептал Матео.

Когда они подошли к отряду, Джанетто уже лежал на носилках. Увидя Матео вместе с солдатами, он со странной улыбкой взглянул сначала на него, потом на его дом и плюнул на порог со словами: «Дом предателя».

Только человек, которому смерть не страшна, осмелился бы произнести слово «предатель» по отношению к Фальконе. Меткий удар кинжала был бы ответом на оскорбление. Но Матео только молча поднес руку ко лбу, как человек ошеломленный горем.

Увидев приближающегося отца, Фортунато вошел в дом и вернулся с кринкой молока, которую с опущенными глазами подал Джанетто. — Прочь, — вскричал беглец. — Товарищ дай мне напиток, — попросил он солдата.

Вскоре двинулись в путь.

Прошло по крайней мере минут десять прежде, нежели Матео раскрыл рот. Мальчик боязливо поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружье, смотрел на него с выражением сосредоточенного гнева.

— Ты хорошо начинаешь, — проговорил, наконец, Матео голосом как бы спокойным, но страшным для всякого, кто знал этого человека.

— Отец, — закричал мальчик со слезами на глазах и намереваясь броситься к его ногам.

Но Матео крикнул: — Прочь от меня! — и ребенок остановился, как вкопанный.

Подошла Джузеппа; она только что заметила цепочку, видневшуюся из-за рубашки Фортунато.

— Кто подарил тебе эти часы? — спросила она строго.

Фальконе схватил часы и, швырнув их об камень, разбил вдребезги.

— Жена, — спросил он, — мой ли это сын?

Джузеппа вспыхнула:

— Что ты говоришь, Матео?

— Ну, так вот. Этот ребенок первый предатель в нашем роду.

Фортунато продолжал рыдать, а Матео не сводил с него своих гневных глаз. Наконец, он стукнул прикладом ружья об землю, вскинул его на плечо и двинулся по направлению к чаще, приказав сыну следовать за собой. Мальчик повиновался.

Джузеппа догнала мужа и схватила его за руку: — Это, ведь, твой сын, — проговорила она дрожащим голосом, пристально глядя в глаза мужу и как бы пытаясь увидеть, что происходит в его душе.

— Оставь меня, — отвечал Матео.

Джузеппа поцеловала сына и в слезах вернулась в хижину, где бросилась на колени перед иконой.

Матео прошел по тропинке шагов двести и остановился у оврага, в который затем спустился. Он потыкал землю прикладом, она оказалась мягкой. Место было подходящее для осуществления его замысла.

— Фортунато, пойди, стань к тому большому камню.

Мальчик исполнил приказание, потом стал на колени.

— Молись, — приказал отец.

— Отец, отец, не убивай меня!

— Тебе говорят, читай молитвы, — закричал Матео громовым голосом.

Рыдая и запинаясь, мальчик прочитал «отче наш» и «верую». После каждой молитвы отец прибавлял твердо «аминь».

— Это все молитвы, которые ты знаешь?

— Отец, я знаю еще «богородицу» и ектению, которой научила меня тетушка.

— Она, кажется, ужасно длинная. Ну, да ладно.

Мальчик закончил ектению едва слышным голосом.

— Кончил?

— Отец, пощади меня, прости. Я буду так настойчиво просить дядя «капорале», что Джанетто помилуют.

Пока он говорил, Матео зарядил ружье и прицелился.

Мальчик в отчаянии хотел подняться, чтобы обнять колени отца, но не успел. Матео спустил курок, и Фортунато упал, убитый наповал.

Даже не взглянув на тело сына, Матео направился к дому за лопатой, чтобы зарыть его. Едва он сделал несколько

шагов, как столкнулся с Джузеппой, которая бежала, встревоженная раздавшимся выстрелом.

— Что ты сделал? — закричала она.

— То, чего требовала справедливость.

— Где он?

— В овраге. Я сейчас похороню его... Да пойдя, скажи зятю Теодоро, пусть идет жить с нами.

ЛОКИС

Рукопись проф. Виттембаха.

— Теodoro, — сказал профессор Виттембах, — дайте мне, пожалуйста, тетрадь в пергаментном переплете, вот ту, на второй полке; нет, не эту, ту, — поменьше. В ней все мои заметки 1866 года, главным образом те, что касаются графа Шемета.

Профессор поправил очки и среди глубокого молчания окружающих начал читать:

«Л о к и с»

с эпиграфом на литовском языке:

«Miszka su Lokiū

Abu du tokiu»¹⁾.

Мне пришлось однажды, как специалисту по литовским наречиям, поехать в Ковно для редактирования ученого труда на самогитском языке, по приглашению одного издательства.

Приехав туда, я решил воспользоваться случаем и ознакомиться и собрать местные народные легенды и баллады, а также все рукописи и документы, которые мне удастся достать на этом языке. У меня было письмо к молодому графу Шемету, в чьей библиотеке, как я слышал, находилась редчайшая старинная книга — знаменитый самогитский катехи-

---

¹⁾ «Мишка и Локис — оба одинаковые».

зис о. Лавицкого, старинная коллекция народных баллад и поэмы на древне-прусском языке. Я написал графу письмо, в котором просил разрешения побывать у него, излагая при этом цель моего посещения, и получил очень любезное приглашение приехать в его замок Мединтилтас и провести в нем столько времени, сколько того потребуют мои исследования.

Меня предупреждали, что у графа несколько странный характер, но что он очень радушный хозяин, любит науку и литературу и очень благожелательно относится к тем, кто ими занимается.

Итак, я поехал в Мединтилтас. У под'езда замка меня встретил управляющий и проводил в приготовленную для меня комнату.

— Граф очень извиняется, у него мигрень и он не может сегодня выйти к г-ну профессору, — сказал он мне. — Если г. профессору не угодно обедать у себя в комнате, он может пообедать с доктором Фребер. Обед будет подан внизу, в столовой, через час.

В ожидании обеда я начал разбирать свой небольшой багаж. Вдруг я услышал шум под'езжающего к замку экипажа. Я подошел к окну и увидел коляску, в которой сидели дама в черном, какой-то господин и женщина, одетая в крестьянский литовский наряд, но такая большая и широкоплечая, что я принял ее сначала за переодетого мужчину. Две такие же сильные женщины стояли у под'езда. Спутник дамы нагнулся к ней и, к удивлению моему, отстегнул широкий черный пояс, которым она была привязана к коляске. Я заметил, что ее длинные, седые волосы были совсем растрепаны, а глаза, широко открытые, казались безжизненными, точно у восковой куклы. Спутник ее, почтительно сняв шляпу, сказал ей несколько слов, но она не обратила на это

никакого внимания. Тогда он повернулся к служанкам и сделал им знак головой.

Все три женщины схватили даму и, несмотря на ее сопротивление, подняли, как перышко, и внесли в дом. Все это произошло очень быстро. Человек, руководивший этой процедурой, вынул из кармана часы и спросил, скоро ли подадут обед. — Через четверть часа, г. доктор, — ответил ему кто-то из слуг, стоявших вблизи. Я без труда догадался, что это был доктор Фребер, а дама в черном — графиня, мать молодого Шемета, и принятые по отношению к ней предосторожности указывали на то, что рассудок ее был не в порядке.

Несколько минут спустя, доктор зашел ко мне в комнату и, упомянув о болезни графа, сам отрекомендовался и предложил сойти в столовую. Во время обеда я обратился к доктору с вопросом, часто ли граф страдает мигренями.

— И да, и нет, — ответил он с улыбкой. — Это зависит от прогулок, которые он совершает.

— Как же это?

— Когда он отправляется в сторону Розени, например, он всегда возвращается с головной болью и в свирепом настроении.

— Я сам бывал в Розени, — сказал я, — но со мной ничего такого не случалось.

— Это потому, профессор, что вы не влюблены, — заметил доктор, смеясь.

Я тайне вздохнул, вспомнив о своей невесте, Гертруде Вебер.

— Так, значит, в Розени живет невеста графа? — спросил я.

— Да, в окрестностях. Впрочем, невеста ли? Не знаю. Она изрядная кокетка. Боюсь, чтобы он в конце концов не сошел с ума, как его мать.

— Значит, графиня действительно больна?

— Больна? Она просто сумасшедшая, и безнадежно сумасшедшая. Должен вам сказать, что я был хирургом в Калужском полку, когда меня пригласили сюда. В Севастополе мы с утра до вечера резали руки и ноги, бомбы долетали очень близко к нам и, все-таки, несмотря на то, что я плохо спал, плохо ел, жил без малейших удобств, я так не скучал, как здесь, где живу по-княжески. Но свобода, сударь, великое дело... Представьте, что с этой чертовкой я не знаю ни одной свободной минуты.

— Вы давно здесь?

— Около двух лет. Но она уже 27 лет в таком состоянии. С ней это произошло еще до рождения графа. Она сошла с ума от страха. Случилось это через два или три дня после ее свадьбы, которая была отпразднована здесь, в этом замке. Все отпраздновали на охоту, и с ними вместе верхом поехала и графиня. Она как-то отстала или уклонилась в сторону от остальных охотников. Примчавшийся вдруг сломя голову казачок графини сообщил, что ее утащил в лес медведь. Все бросились в ту сторону. Лошадь ее лежала задушенная, а рядом валялась разорванная шубка. Оттуда напали на следы и увидели, как медведь все еще тащит свою несчастную жертву в чащу. Граф хотел сам броситься на медведя с ножом, но один из доезжачих метким выстрелом уложил зверя на месте. Графиня была без сознания, вся истерзанная и с сломанной ногой. Ее подняли, привели в чувство, но рассудок покинул ее навсегда. Ее возили в Петербург. Консультация из четырех знаменитостей авторитетно заявила: «Графиня беременна, и, по всей вероятности, после родов рассудок к ней вернется. Пусть ее увезут в деревню, на воздух. Молоко, кодеин, и т. д.». Каждый из светил получил по 100 р. Через девять месяцев графиня родила крепкого мальчика, но

рассудок к ней не вернулся, наоборот, помешательство ее стало буйным. Она чуть не задушила ребенка. «Убейте, убейте зверя», — кричала она. С тех пор она впадает то в буйное состояние, то в состояние полного идиотизма. Страдает, кроме того, сильной склонностью к самоубийству. Как вы видели, нужны три здоровенные женщины, чтобы справиться с ней.

Разговор наш прервал вошедший слуга.

— Г. доктор, — сказал он, — графиня не желают кушать.

— Чорт бы ее побрал, — заворчал доктор. — Хорошо, иду.

Прощавшись со мной, он ушел к своей пациентке, а я отправился к себе в комнату и принялся писать. Ночь была теплая, и я оставил открытым окно, выходявшее в парк.

Поработав довольно долго, я решил, наконец, лечь спать, как вдруг дерево около открытого окна сильно зашевелилось. Я услышал треск сухих веток, и мне показалось, точно по дереву лезет тяжелый зверь. Я встал немного взволнованный, и вдруг увидел среди листьев дерева человеческую голову, на которую падал свет моей лампы. Видение продолжалось не более секунды, но странный, какой-то неестественный блеск его глаз меня прямо поразил. Я невольно отшатнулся назад, но потом сейчас же подошел к окну и строгим голосом спросил непрошенного гостя, что ему нужно, но он уже быстро спускался вниз, соскочил на землю и исчез.

Я позвонил. Вошедшему слуге я рассказал, что произошло, и выразил опасение, не забрался ли вор в парк.

— Это невозможно, — ответил он мне.

— Стало быть, это кто-нибудь из домашних?

Слуга ничего не отвечал, только смотрел на меня выпученными глазами. Я велел ему закрыть окно и лег спать.

Спал я очень хорошо. Никто меня во сне не беспокоил — ни медведи, ни воры. Утром я познакомился с графом. Это был высокий, красивый молодой человек. Он очень любезно поздоровался со мной и спросил, как я себя чувствую. Я поспешил поблагодарить его за гостеприимство и в свою очередь осведомился, избавился ли он от мигрени. — Почти что. До нового припадка, — ответил он грустно.

Разговаривая с ним, я невольно разглядывал его. В его взгляде мне почудилось что-то похожее на глаза вчерашнего человека. Взгляды наши несколько раз встретились. Граф сначала смутился, а потом расхохотался.

— Вы меня узнали? — спросил он.

— Узнал?

— Ну, да, вы заметили меня вчера вечером. Дело в том, что я весь день очень плохо чувствовал себя. Вечером мне стало немного лучше, и я вышел в парк погулять. Увидав свет в вашей комнате, я поддался чувству любопытства. Мне бы следовало представиться вам и назвать себя, но положение было такое смешное... Мне стало стыдно, и я удрал. Вы простите меня за то, что я потревожил вас во время работы.

Все это он старался говорить шутливым тоном, но краснел и, видимо, чувствовал себя неловко. Я постарался насколько возможно загладить неприятное впечатление нашей вчерашней встречи и, чтобы отвлечь его от этого разговора, спросил, правда ли, что в его библиотеке находится знаменитый самогитский катехизис. Он ответил, что это весьма возможно, так как отец его собирал старинные и редкостные книги, но он сам предпочитает современных авторов. Мы разговорились о литературе, и я рассказал ему, что очень интересуюсь местными даинами (балладами) и рассчитываю кое-что собрать в окрестностях.

— Между прочим, — сказал я, — несколько недель тому назад в Вильне мне рассказали очень интересную литовскую даину «Три сына Будриса». Я ее записал, и она у меня сейчас лежит в портфеле.

— «Три сына Будриса»? — воскликнул с удивлением граф. — Кто же вам ее рассказал?

— Одна особа, с которой я познакомился в Вильне. Зовут ее панна Ивниска.

— Панна Юлька? — рассмеялся он. — Маленькая проказница! Дорогой профессор, вы знаете язык жмудов и другие старинные языки, читали много старинных и ученых книг и позволили одурачить себя девчонке, которая ничего не читала, кроме романов... Она вам просто рассказала на жмудском языке одну из красивых баллад Мицкевича. Вы ее не читали, вероятно, потому, что она не особенно старая. Если хотите, я покажу вам ее на польском языке или дам прекрасный русский перевод Пушкина.

Я был довольно-таки сконфужен. Заметив это, граф поспешил переменить разговор.

— Так, значит, вы знакомы с панной Юлькой? Как она вам нравится? Скажите откровенно.

— Она очень милая и очень хорошенькая. У нее чудесные глаза.

— Вы находите?

— И потому у нее такая нежная, необыкновенная белая кожа.

— Все это, может быть, и правда, но у нее нет сердца: она бела, как снег, и так же холодна. Конечно, эта шутка с вами была неуместна; она вообще легкомысленная и любит подурачиться. А теперь, хотите посмотреть библиотеку моего отца? Пойдем, я вас провожу.

Он привел меня в большую галлерею, полную книг в хороших переплетах, но покрытых пылью. Видно было, что ими редко пользуются.

Какова же была моя радость, когда среди первых книг, вынутых мной из большого шкафа, оказался самогитский катехизис. Я даже вскрикнул от радости. Граф взял книгу, небрежно перелистал ее и на первом листе написал: «Профессору Виттембаху от Михаила Шемета».

— Смотрите на эту библиотеку, как на ваш рабочий кабинет, — сказал он, — здесь вам никто не будет мешать.

Я горячо поблагодарил его.

На другой день после завтрака, граф предложил мне прокатиться с ним верхом. Я предпочел бы остаться поработать в библиотеке, но мне неудобно было отказаться, и я согласился.

У под'езда стояли оседланные лошади, а в отдалении слуга держал на привязи собаку.

— Профессор, — обратился ко мне граф, — вы знаете толк в собаках? Мне прислали в подарок эту гончую.

Он сделал знак слуге, и тот подошел с собакой.

Это было, действительно, прекрасное животное. Идя рядом с своим провожатым, собака весело прыгала и лаяла, но в нескольких шагах от графа, она вдруг поджала хвост и отскочила назад. Когда он погладил ее, она завывала протяжным воем.

— Собака, кажется, хорошая, пусть о ней позаботятся, — приказал он.

— Профессор, — сказал граф, когда мы выехали на дорогу, ведущую в лес, — вы видели страх этой собаки. Как ученый, вы должны уметь объяснять загадки. Объясните мне,

почему все животные боятся меня? Заметьте при этом, что я их никогда не боюсь.

— Быть может, потому, — ответил я, немного смущенный его вопросом, — что животные сразу инстинктом чувствуют, кто их действительно любит. Мне кажется, что вы цените животных только за те услуги, которые они вам оказывают. Другие же люди, наоборот, чувствуют какое-то особое пристрастие к некоторым животным, и те это прекрасно понимают.

— Возможно, — возразил граф. — Я, действительно, не чувствую особенной привязанности к животным. Они многим лучше людей.

Вскоре мы в'ехали в густую чащу, и разговор наш прекратился. Ехали мы лесом довольно долго; потом свернули на маленькую тропинку и, наконец, выехали на мощеную дорогу, которая, как оказалось, вела в Довгнелло, где жила панна Ивинска с своей тетушкой.

Через полчаса мы под'ехали к замку. На топот наших лошадей в окне первого этажа, между занавесками, показалась хорошенькая белокурая головка. Я узнал коварную переводчицу Мицкевича.

— Добро пожаловать, — сказала она. — Вы приехали как нельзя более кстати, граф Шемет. Я только что получила новое платье. Я в нем такая красивая, что вы меня даже не узнаете.

Она скрылась, а мы вошли в дом, и граф представил меня пани Довгнелло.

— Г. профессор, — сказал ей граф, — явился к вам с жалобой на вашу племянницу, которая зло подшутила над ним.

Пришлось рассказать проделку панны Юльки. Наконец, явилась и она сама, нарядная и красивая в своем новом платье.

— Юлька, — сказала пани Довгиселло. — Вот г. профессор приехал с жалобой на тебя.

— А что я такое сделала? — спросила она с очаровательной гримаской.

— Я не жалею, — ответил я, — наоборот, я очень рад, что благодаря вам литовская поэзия обогатилась новым произведением.

— Простите, я больше никогда не буду, — сказала она тоном маленького ребенка, стащившего варенье.

— Я прощу вас только в том случае, если вы исполните данное мне вами обещание в Вильне протанцевать какой-то замечательный народный танец, когда мы встретимся с вами в Самогитии.

— Ах, танец русалки. Я его прекрасно танцую, и вот как раз хороший партнер, — заявила панна Юлька, указывая на графа.

Она не заставила себя просить и, усадив гувернантку за рояль, схватила графа за руку, привела его на середину комнаты и грациозным движением скинула туфельки, которые полетели на другой конец гостиной. Танец начался. Он состоит в том, что русалка вертится вокруг своего кавалера, — он старается ее поймать, а она ускользает от него. Под конец ему удастся схватить ее, но она ударяет его по плечу, и он должен упасть мертвым к ее ногам. Однако, граф немного изменил конец и, схватив русалку в объятия, крепко поцеловал ее. Панна Юлька надулась, но тут приехали еще гости, подали обед, который так же, как и остальной вечер, прошел очень оживленно. Разошлись по комнатам поздно. Нам с графом отвели одну комнату, в которой, вместо кроватей, стояли два дивана, между прочим, довольно жесткие, хотя и покры-

тые дорогими коврами. Граф некоторое время ходил взад и вперед по комнате.

— Как вы находите Юльку? — спросил он меня, наконец.

— Я нахожу ее прелестной.

— Да, но она такая кокетка. Как по-вашему — ей на самом деле нравится этот капитан-блондин?

— Ад'ютант? Право, не знаю.

— Он порядочный фат. Такие нравятся женщинам.

— Хотите знать правду, граф? По моему, панна Юлька гораздо больше думает о том, чтобы понравиться Михаилу Шемету, чем ад'ютантам всей армии.

Он покраснел и ничего не ответил, но я видел, что мои слова ему приятны.

Мы улеглись. Я по обыкновению взял книгу и стал читать. Прошло около часа, меня стало клонить ко сну и я закрыл книжку, рассчитывая уснуть, как вдруг странный смех моего соседа заставил меня вздрогнуть. Я взглянул на него. Глаза у него были закрыты, он вздрагивал всем телом и произносил бессвязные слова: — Белая, очень белая... Профессор не знает, что говорит... Какой лакомый кусок... — И он впился зубами в подушку, на которой лежала его голова, и так при этом зарычал, что проснулся.

Я лежал неподвижно, делая вид, что сплю, но потихоньку наблюдал за ним. Он сел, протер глаза, грустно вздохнул и около часа просидел, не меняя положения и погрузившись в свои думы. Я все время чувствовал себя очень неловко, боялся даже пошевелинуться, но в конце концов усталость дала себя чувствовать и мы оба крепко уснули.

На другой день после завтрака мы вернулись в Мединтилтас. Оставшись вдвоем с доктором, я высказал свое мне-

ние, что граф, должно быть, болен, так как ему снятся ужасные сны, что он, вероятно, лунатик, и в таком состоянии может быть опасен.

— Я все это заметил, — ответил доктор. — При его атлетическом сложении, он нервен, как женщина. У него много странностей. Возможно, что это перешло к нему от матери.

Я пробыл еще дней десять в замке, мы еще раз побывали в Довгиелло, но не оставались там ночевать. На этот раз я убедился, что граф действительно влюблен в Юльку. Накануне моего отъезда, он предлагал мне снова поехать туда с ним, однако, я отказался, — у меня было много работы. Он поехал один, но вернулся рано, к обеду, и, хотя сел за стол, но ничего не ел. Лицо его было мрачно и выражение глаз злое. После обеда он зашел ко мне в комнату. — Я ужасно жалею, что поехал туда сегодня, — воскликнул он, — этот маленький бесенок прямо издевается надо мной. Но, к счастью, теперь все кончено между нами, я ее больше не увижу. Вы, может быть, думали, что я в нее влюблен? Нет, мне просто нравилось ее веселое личико и белая кожа. Но в общем, это — кукла, которой можно любоваться только от скуки.

На следующий день я попрощался с ним и уехал продолжать свои исследования.

Прошло два месяца. Я находился в Мемеле и рассчитывал на пароходе вернуться вскоре домой, но как-то утром мне подали письмо от Михаила Шемета, в котором он приглашал меня на свою свадьбу с панной Юлькой. В конце письма была приписка от самой невесты. Признаюсь, ни письмо, ни приписка мне не понравились. Я нашел, что они очень легкомысленно относятся к этому вопросу, однако, от приглашения отказаться не мог и ответил, что в день свадьбы буду в Медиятилтасе.

Когда я в назначенный день под'езжал к замку, в аллеях парка и на террасе уже было много гостей. Двор был полон крестьян в праздничных нарядах. Но ни графа, ни его невесты еще не было. Тут мне пришлось лишний раз убедиться, как ожидание располагает к злословию. Некоторые мамыши, дочери которых еще не были замужем, усердно чесали языки, разбирая недостатки невесты графа.

Наконец, послышался залп ружейных выстрелов, и вскоре показалась парадная коляска, в которой сидели невеста с тетушкой и граф.

Их приветствовали громкими криками и засыпали цветами. После венчания в зале был подан роскошный обед. Шампанское и венгерское вино живо развязали языки чопорных гостей. Какой-то старый пан, приверженец старинных обычаев, не успокоился до тех пор, пока новобрачная не разрешила ему выпить шампанское из ее туфельки. Под конец обеда в зале стоял пёвобразимый шум, — все говорили, смеялись, даже кричали, без конца произносили тосты за здоровье новобрачных. Большинство гостей были уже совсем пьяны. В конце концов шум стал невыносимым, и я незаметно встал из-за стола и вышел в парк подышать свежим воздухом. Но и тут картина была не лучше. Слуги и крестьяне, для угощения которых пиво и водка были отпущены в неограниченном количестве, тоже все перепились. Там и сям на лужайке валялись пьяные в бесчувственном состоянии; кое-где происходили драки. В нескольких местах танцевали, — большею частью цыганки. Поглядев немного на танцы, я ушел к себе в комнату, почитал и затем лег спать. Когда я проснулся, пробило три часа. Ночь была светлая, лунная. Я пробовал снова уснуть, но не мог. Как всегда в таких случаях, я решил взяться за книжку и поработать, но никак не мог

найти спичек. Я встал и ощупью стал их искать по комнате. Вдруг мимо моего окна промелькнуло какое-то большое тело и с глухим стуком упало в сад. Я решил, что это кто-нибудь из пьяных гостей упал из окна, открыл окно и нагнулся вниз, но ничего не увидел. Наконец, мне удалось зажечь свечу, я взял книгу, погрузился в чтение и читал до того момента, пока мне утром не принесли чай.

Около одиннадцати часов утра я вышел в гостиную, где увидал много помятых физиономий и опухших глаз после вчерашнего пиршества. Ни граф, ни его молодая жена еще не появлялись.

В половине двенадцатого, после довольно колких шуток, гости стали шептаться, сначала тихо, потом все громче и громче. Тогда доктор Фребер велел одному из слуг пойти наверх и постучать в комнату хозяина. Через несколько минут слуга вернулся взволнованный, уверяя, что он раз десять стучал, не получая ответа. Волнение охватило и меня. Пани Довгиелло, доктор и я решили подняться наверх. У двери комнаты молодых мы встретили горничную молодой графини, растерянную и уверявшую, что случилось несчастье, так как окно в комнате было открыто настежь. Я с ужасом вспомнил грузное тело, упавшее под моим окном. Мы стали громко стучать. Никакого ответа. Принесли железный лом и мы взломали дверь... Ужасная картина представилась нашим глазам. Молодая графиня лежала мертвая на кровати, с испарянным лицом, с зияющей раной на шее, вся залитая кровью. Граф исчез, и никто его никогда больше не видал.

Доктор подошел и осмотрел рану молодой женщины.

— Это рана не от острого оружия, — воскликнул он, — это укусы...

Профессор закрыл тетрадь и задумчиво взглянул на огонь.

— Как, разве история кончена? — спросил кто-то из слушателей.

— Кончена, — мрачно ответил профессор.

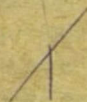
— А почему вы называли ее «Локис»? Ни одно из действующих лиц так не называется.

— Это не человеческое имя, — возразил профессор. — Локис по-литовски значит — медведь. Славяне называют медведя «Михайлом», литовцы — «Мишкой», и это прозвище почти совсем заменило настоящее название «Локис». Теперь вам должен быть понятен мой эниграф:

«Miszka su Loku
Abu du tokiu».

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр
Таманго.	3
Матео Фальконе	15
Локис	25

Вышедшие книжки Библиотеки «Огонек».

1939

<p>С. З. ФЕДОРЧЕНКО</p> <p>НАРОД НА ВОЙНЕ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 18 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>ЭРИХ МЮЗАМ</p> <p>ИЗБРАННЫЕ СТИХИ И РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 19 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>В. САВИНОВ</p> <p>В ТЮРЬМЕ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 20 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>С. РЕШЕТОВ</p> <p>В СТАРИХ ПОВЕЗЬЯХ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 21 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>
<p>С. САВИНОВ</p> <p>ДВЕ ПОМЕШКИ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 22 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>АЛЕКСАНДР АМУ</p> <p>ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ КРЕСЛО</p> <p>Библиотека «Огонек» № 23 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>Д. КРЕЙТЦОВ</p> <p>МИКИША</p> <p>Библиотека «Огонек» № 24 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>МИХ. ПРИШВИН</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 25 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>
<p>В. ВЕРЕСАЕВ</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 26 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>ЭМИЛЬ ЗОЛЯ</p> <p>ПРАЗДНИК В КОММУНЕ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 27 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>С. БУДАНЦЕВ</p> <p>ВЗКАЗНИДЬЯ ВСЕМИРНОЙ КОММУНЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 28 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>МАТЭ ЗАЛКА</p> <p>РАССКАЗ О ВЕНГЕРСКОМ СОЛДАТЕ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 29 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>
<p>М. Х. ЗОЩЕНКО</p> <p>РАССКАЗЫ</p> <p>Библиотека «Огонек» № 30 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>В. В. ДИДКО</p> <p>ВЫСЕЛЕНИЕ ПОЛИЦЕЙСКОГО</p> <p>Библиотека «Огонек» № 31 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>БОРИС ГУСМАН</p> <p>ПОЭТЫ ПЯТЬ ХАРАКТЕРИСТИК</p> <p>Библиотека «Огонек» № 32 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>	<p>И. БАБЕЛЬ</p> <p>ЛЮБКА КОЗЯК</p> <p>Библиотека «Огонек» № 33 Рассказы Литературный отдел Министерства культуры Москва</p>

Цена каждой книжки — 15 коп.

ЦЕНА 15 КОП.

80 =

ПОДПИСКА НА БИБЛИОТЕКУ «ОГОНЕК»

Еженедельно ОДНА книжка:

1 мес. — 50 к., 3 мес. — 1 р. 50 к., 6 мес. — 3 р., 1 год — 5 р.

Еженедельно ДВЕ книжки:

1 мес. — 1 р., 3 мес. — 3 р., 6 мес. — 5 р., 1 год — 10 р.

А Д Р Е С:

Москва, Тверской бульвар, д. 26, телеф. 5-51-69.

Акц. Издат. О-во „ОГОНЕК“.